

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

M. L. Greenberg. A Historical phonology of the Slovene language. Universitätsverlag Carl Winter Heidelberg 2000 199 p

Книга М. Гринберга "Историческая фонология словенского языка" посвящена исследованию проблем исторической фонологии, восстановлению основных этапов развития фонологической системы словенского языка, начиная с эпохи расселения славян и освоения славянами Альп и Балканского региона. В небольшой по объему работе в очень сжатой, лаконичной форме представлены в систематизированном виде накопленные наукой знания об исторической фонологии славянских и собственно словенского языков. В реконструкции исторических процессов автор вносит поправки, уточнения, с новых позиций подходит к объяснению механизма некоторых преобразований, во многих случаях предлагаются новые решения, вносятся коррективы в датировки исследуемых явлений. В работе сочетается строго системный подход к анализу языкового материала с характеристикой изучаемых явлений в плане относительной и абсолютной хронологии. Глубокие различия в вокалических системах многочисленных словенских диалектов предстают как результат последовательного преобразования предшествующих во времени протосистем. За каждым элементом этих систем стоит длинный ряд последовательно сменяющих друг друга фонематических изменений, хронологически привязанных к определенному этапу развития праславянского или собственно словенского языков.

В истории словенского языка автор выделяет несколько хронологических срезов, соотносимых с 1) эпохой славянских миграций и расселения славян в Восточных Альпах, 2) эпохой позднепраславянского и общего южнославянского развития, 3) эпохой самостоятельного развития словенского языка и 4) эпохой диалектной дезинтеграции на словенской языковой территории. Разработка поставленной проблемы сопряжена с большими трудностями. Одна из трудностей связана с отсутствием непрерывной письменной традиции на словенском языке. Самый ран-

ний текст, определяемый как словенский, датируется IX-X вв., период XI-XIV вв. не представлен текстами, возрождение письменной традиции и начало словенского литературного языка относится к эпохе Реформации и связано с появлением первой печатной книги на словенском языке П. Трубаря (XV в.). Не меньшие трудности в интерпретации материала связаны с диалектной дифференциацией словенского языка. На небольшой территории Словении насчитывается 48 диалектов. В своих построениях автор опирается на труды словенских ученых и в первую очередь на фундаментальные исследования Ф. Рамовша ("Краткая история словенского языка" Любляна, 1936, "Диалектная карта словенского языка" Любляна, 1931 и др.), а также на последние работы по словенской диалектологии и на собственные исследования. При решении лингвистических проблем привлекаются материалы этимологических словарей Ф. Безлая, М. Сноя, П. Скока. На современном этапе развития науки некоторые идеи Рамовша требуют пересмотра, уточнения с учетом последних достижений в изучении славянской просодии и акцентологии. Автор обобщает и критически оценивает изложенные в трудах Риглера, Станга, Кортланда решения некоторых узловых проблем словенистики. В исследовании ориентированном на восстановление механизма фонологических преобразований в истории словенского языка, особое значение приобретает анализ диалектного материала с использованием сравнительно-исторического метода, приемов лингвистической географии.

Монография состоит из пяти глав, трех приложений, 10 карт, индекса слов, словоформ и фраз, словоуказателя топонимов и гидронимов. Главы делятся на разделы и подразделы, к каждому из которых приложена подробная библиография. Подобранный автором материал по всем обсуждаемым вопросам воссоздает общий научный контекст и поэтому имеет самостоятельное значение.

Первая глава вводит в круг обсуждаемых проблем, определяет задачи и цели исследования. В этой же главе приводится классификация и характеристика словенских диалектов. На словенской территории выделяется 7 диалектных групп (верхнекрайская, нижнекрайская, штирийская, паннонская, каринтийская, приморская, ровтарская), особое место занимают диалекты смешанного типа в районе Белой Краины, Кочевья, Костела. Наглядное представление о географическом распределении диалектов дает карта, на которой показаны границы диалектных групп по Й. Риглеру ("Обзор основных этапов в развитии словенского вокализма" // *Slavistična revija*. № 14. 1963) и границы составляющих их диалектов и говоров по Й. Риглеру и Т. Логару ("Карта словенских наречий". Любляна, 1983). К этому разделу приложены библиография и список населенных пунктов с указанием литературы, посвященной их описанию.

В первой главе затрагиваются также вопросы происхождения словенского языка. По Ф. Безлаю, истоки словенского языка кроются в эпоху появления славянских поселений в восточных Альпах, хотя основания для такого заключения, как полагает М. Гринберг, остаются не вполне ясными. Лишь с некоторой определенностью можно говорить о том, что по данным археологии славяне появились в VI–VII вв. в Каринтии, нижней Австрии, северо-восточной Словении, но начало славянских миграций, вероятно, относится к более раннему времени. По мысли автора, освоение славянами Альп не было одноразовым гомогенным процессом, который можно точно определить во времени и локализовать в пределах четко проведенных границ. В совокупности славянских изоглосс автор выделяет те, которые существенны для характеристики словенского языкового развития. К важным показателям хронологического и географического выделения словенского языка относятся изоглоссы **je- ~ *o-* в начальной позиции (ср. словен. *jělša* 'alnus' ~ словен. диал. (венец.) *òu ša/ùša < *elixā/*alixa*), отражающая, по мысли автора, диалектное разделение праславянского языка еще до того, как славяне покинули прародину, которую Гринберг, вслед за другими исследователями, помещает к северу от Карпат. В распределении изоглосс отмечена одна примечательная особенность: архаичные явления оттеснены на север, их граница проходит по Саве и заходит на территорию кайкавских говоров. И хотя не всегда удается разграничить архаизмы и инновации, тем не менее нельзя не отметить, что с таким распределением изоглосс совпа-

дают в плане относительной хронологии более поздние преобразования, обусловившие диалектное членение словенской территории: ср. **-nq ~ *ny- < *nū-* (последнее объединяет западные и центральные диалекты, литературный словенский язык, верхнелужицкий, полабский), сохранение групп *tl, dl*. Как полагает автор, эти инновационные процессы идут из центра словенской языковой территории на север. Оказавшиеся на периферии западные и восточные ареалы в большей степени удерживают архаизмы. Другая группа изоглосс (ср. *vy- // iz-, tldl // l*), отражающая противопоставление север – юг, относится ко времени, когда словенские племена еще не утратили связи с западными славянами, до венгерского вторжения. К отражениям гетерогенности славянских миграций, которые осуществлялись волнообразно и перекрестно, автор относит и названия племен **Krivit'i* (Каринтия, Белоруссия), **Du(d)lěbi* (северо-западная Украина, Чехия, Хорватия, Сербия и Каринтия, Штирия). Эволюция словенского языка поднимает целый комплекс вопросов, связанных с освоением восточных Альп, взаимодействием с автохтонами, соседними племенами, племенами, проникавшими на территорию словенских поселений (романы, кельты, венгры и т. д.), но, как полагает автор, в детальном виде социальная и собственно лингвистическая картина этих процессов не поддается восстановлению.

В плане лингвогенеза особое значение придется проблеме отношений словенского и западных диалектов южнославянского ареала. В совокупности явлений, связывающих южных и западных славян, М. Гринберг разграничивает архаизмы и инновации, и на этом основании восстанавливает для позднепраславянской эпохи диалектный ареал, называемый "Паннонская Славия". Проблема генетических отношений словенского языка и хорватско-кайкавских диалектов и в целом понимание истоков западно-южнославянского диалекта, начиная с Й. Добровского, по-разному освещается в науке, и, по мысли автора, во многом несет политическую окраску, отражает национальные интересы исследователя. Касаясь проблемы словенско-кайкавских отношений, Гринберг приводит краткий обзор основных идей и тем самым показывает, в каком направлении шло развитие научной мысли. Так, А. Белич, серб по происхождению, основываясь на изоглоссе *tj, dj*, рассматривал кайкавский диалект как результат конвергенции чакавского, штокавского и словенских диалектов. Такое понимание согласуется с идеями Вука Караджича, отрицавшего существование отдельного хор-

ватского докуса и соответственно этноса. Словенец Ф. Рамовш характеризует кайкавский как часть протословенского диалекта, лишь позднее включившегося в сферу действия чакавских и штокавских инноваций. По теории Ф. Рамовша, диалектную структуру определяло противопоставление протоштокавского диалекта и северо-западной периферии южного ареала, включающей протословенский, протоачкавский и протокайкавский диалекты. Тюркское вторжение, миграции народов, политические события и т. п. не могли не повлиять на усиление противопоставления словенского (= альпийские славяне) и сербохорватского (= балканские славяне). На современном этапе развития науки составленный Ф. Рамовшем список словенско-кайкавских изоглосс во многом требует корректив. Хорватский исследователь С. Ившич на основе реконструкции базовой системы кайкавской акцентуации допускает существование протокайкавского диалекта, отличного от штокавского и чакавского. Однако более детальный и всесторонний анализ признаков, относимых С. Ившичем к кайкавскому акцентному типу, показывает, что основные различия объясняются не столько общими генетическими процессами, сколько типологическим сходством. И это обстоятельство делает теорию Ившича несостоятельной. Тезисно останавливается автор на теории П. Ивича, рассматривающего проблему словенско-кайкавских отношений в контексте генетических и типологических взаимосвязей сербохорватских и словенских диалектов. По наблюдениям П. Ивича, консонантная система чакавского и кайкавского диалектов отлична от штокавской и близка к словенской (особенно это касается кайкавского диалекта), а вокальная система содержит много инноваций, появившихся уже в период самостоятельного кайкавского развития в XI–XIV вв. П. Ивич полагает, что в плане акцентологии кайкавский диалект обнаруживает общую линию развития со словенским языком. В новой теории З. Юнковича вопросы генетических отношений кайкавско-сербохорватско-словенских отношений интегрированы в модель распада западно-южнотославянского протодиалекта. По З. Юнковичу “альпийский” диалект (= протословенский) отделяется первым, за ним “паннонский” (= протокайкавский), “приморский” (= протоачкавский) и “Рашка” (= протштокавский) диалекты. Оценивая эту теорию, Гринберг отмечает, что основная идея Юнковича о раннем самостоятельном развитии кайкавского диалекта основана на методологических и фактических ошибках,

особенно это касается словенского материала, и отсылает к детальному критическому анализу этой теории в работах Риглера. Кратко касается автор теории В. Р. Вермеера, по которой разделяются явления, общие для словенского и сербохорватского, и свойственные только кайкавскому, и на этом основании строится гипотеза об общем кайкавско-словенском развитии вокалической системы.

Весьма ценные попутные комментарии автора, краткие оценки основных положений обзриваемых теорий помогают понять разные подходы в более широком контексте научных поисков. Останавливаясь на основных идеях, автор отсылает читателя к литературе, в которой эти идеи получили развернутое обоснование. При обсуждении этой сложной лингвостранической проблемы Гринберг отмечает допущенные исследователями некоторые методологические просчеты. Один из его важных выводов состоит в том, что национальная идентичность может не совпадать с языковой идентичностью, а потому выявляемые инновации не обязательно ведут к национальному выравниванию. При этом особо подчеркивается, что не менее важно изучать общие линии развития за пределами границ словенского и кайкавско-хорватского языкового развития, поскольку общие инновации могут быть результатом генетического тождества, параллельного развития или конвергентных процессов. Все теории, в основе которых лежит модель родословного дерева, не учитывают в полной мере моменты хронологии. Автору представляется оптимальной модель, учитывающая в равной степени процессы дифференциации и выравнивания, поскольку распад праславянского языка сопровождался выравниванием или утратой локальных различий, что приводило к образованию относительно небольшого числа инновационных ареалов.

В первой главе намечены также основные аспекты языковых контактов в эпоху освоения Восточных Альп. М. Гринберг полагает, что на раннем этапе освоения Восточных Альп взаимодействие с автохтонными языками – иллирийским, венетским, кельтским – получает адекватное отображение в теории Р. Катичича, согласно которой в плане языкового развития значимы следующие зоны: северная Адриатика, включая венетский, как часть комплекса, простиравшегося до Восточных Альп и Истрии; Паннония в районе Савы, которая может быть идентифицирована с иллирийским; Норик, кельтский стратум; ареал вокруг деревни Иг (южнее Любляны), несущий признаки адриатического ти-

па, подвергшегося кельтскому влиянию. На конкретных примерах показано, как проявляется доминирующее на всем протяжении развития романское влияние: в заимствованиях (лат. *Carnium* > *Kranj*), в разного рода инновациях (ср. ретороманская палатализация велярных перед *a*: ром. **k'amorkio*- > словен. *čamurča*; интервокальное озвончение взрывных в лат. *caepula* > *čebūla* 'лук') и т. п. На уровне живой разговорной речи влияние шло со стороны фриульского, далматинского, истророманского диалектов, позднее прямо от итальянского языка и особенно со стороны венецианского диалекта итальянского языка в силу особого положения Венеции в Средние века. Другой уровень романского влияния связан с эпохой христианизации славян, с влиянием латинского на протословенский язык. Этот уровень романского влияния диалектно окрашен, хотя затруднительно определить непосредственный источник заимствования для отдельных слов. Автор оценивает попытки О. Кронштейнера выявить признаки, по которым можно идентифицировать ретороманские заимствования (ср. словен. *māša* < лат. *missa*), как возрождение и как модификацию теории Миклошича о паннонской основе церковнославянского языка. Автор различает три уровня взаимодействия словенского и латинского языков: 1) влияние классического латинского языка без различения специфических диалектных черт с исходными количественными отношениями в системе вокализма; 2) влияние вариантов разговорной латыни без возможности локальной атрибуции; 3) влияние отдельных диалектов: ретороманского, фриульского и др.

В силу особенностей географического положения и исторических условий, начиная с VII в., важное место занимают контакты с германскими языками. Вслед за другими исследователями Гринберг выделяет два хронологически различных слоя заимствований из германских языков: 1) старые заимствования, в которых, в частности, слав. *b* соответствует др.-в.-нем. *p* (**baltin* > *Palten*, топ.), слав. **č*, **š*, **ž* ~ герм. *s* (*črnika* > герм. *Sierling*); 2) более поздние заимствования, в которых появляется фонема *f*: ср. ср.-в.-нем. *vlaetic* 'приятный, хороший' сначала проникает в словенский в форме *bleten*, позднее та же лексема заимствуется в форме *fléten*.

Автор отмечает, что при решении сложной многогранной проблемы славяно-венгерских отношений не всегда просто определить, какие явления обязаны языковым контактам, а какие явления можно признать отражением славянской диалектной дифференциации. Так, качество слав. **i'*, **d'* определяется на ос-

новании отражения в венгерских заимствованиях в виде ⟨*ty*⟩, ⟨*gy*⟩ и ⟨*st*⟩, ⟨*zsd*⟩. Наиболее определены общие структурные явления наблюдаются в венгерском и пограничных восточно-словенских и кайкавских диалектах (тенденция к сужению гласных с развитием оппозиции в системе гласных нижнего подъема аналогичной венгерской). В книге подчеркивается возможность независимого параллельного развития в венгерском и славянских диалектах и возможность влияния со стороны славянских диалектов. Так, славянскому влиянию приписывается краткий лабиализованный гласный *q* в системе венгерского языка. Опираясь на результаты исследований П. Ивича, В.Р. Вермеера, автор допускает возможность развития в словенских диалектах гласного переднего ряда *ö* из *o* в результате перестройки системы гласных заднего ряда после утраты назальных и развития слогового *ɨ*. Результатом параллельного развития может быть переход *u* > *ü*, наблюдаемый в широком ареале, включающем юго-восточные и кайкавские диалекты. Таким образом, впечатляющий параллелизм с венгерским частично объясним на основе самостоятельного развития славянских процессов.

Во второй главе освещаются фонологические процессы самой ранней эпохи освоения славянами Восточных Альп. При характеристике этой главы особых замечаний требует используемый в работе термин "общеславянский язык" (= Common Slavic) для обозначения исходной ступени в развитии славянских языков. В практике современной науки в этом значении принято употреблять другой термин – "праславянский язык", с ним связано представление о хронологической глубине восстанавливаемой системы (ср. ранний праславянский, поздний праславянский язык), тогда как за принятым в классической компаративистике термином "общеславянский язык" (ср. название книги А. Мейе "Общеславянский язык") закрепились другая функция – ареальная, этим термином обозначаются явления, получившие распространение на всей славянской территории. Во избежание двусмысленности мы используем эти термины в значении, принятом в современной науке.

В задачи М. Гринберга входит восстановление унаследованной словенским языком исходной системы позднепраславянского языка. Обращает на себя внимание тот факт, что характеристики, выявляемые на основе анализа словенских диалектов, распространяются на всю систему позднепраславянского языка. Как известно, праславянский язык не был изначально монолитом, его диалектная структура менялась в процессе развития. Славянским

миграциям сопутствовала перестройка диалектных отношений. При ближайшем рассмотрении многие явления, определяемые автором как общеславянские, диалектно ограничены на уровне позднепраславянского языка. Следует отметить, что в отдельных случаях встречается термин протословенский (с. 69), но этот термин не определен. Из рассуждений автора следует, что современному словенскому языку соответствует некая исходная точка на карте праславянского языка. Вопрос о диалектных истоках словенского языка остается дискуссионным, как это было показано самим автором в первой главе. Одна из особенностей восстанавливаемой картины состоит в том, что основные фонетические процессы приближены во времени к исторической эпохе.

В фонологической системе эпохи освоения славянами Восточных Альп к архаичным явлениям, унаследованным из позднепраславянского, отнесена фонема **и*, позднее совпавшая с фонемой **ī*, произносившейся как лабиализованный гласный заднего ряда высокого подъема (ср. ст.-словен. *mīr* < лат. *mūrus* 'стена'). К особенностям системы праславянского языка автор относит противопоставление лабиализованного *q* и нелабиализованного *a* с последующей утратой лабиализации гласным *q* и развитием количественного противопоставления *ā* и *ā̃* > *a* и *o* (середина IX в.). На восточно-словенской и кайкавской территории делабиализация не произошла, здесь сохранился лабиализованный гласный *ā̃*, по этой причине в этом ареале редуцированные гласные не совпали с *ā̃*. С сохранением или утратой лабиализации связывается явление аканье, характерное для русского, белорусского, болгарского (родопские говоры), словенского языков (ср. *javōrit* < **govorīt* < **govorīti*, ст.-словен. *govorīti*). Гипотеза В. Георгиева о развитии аканья в эпоху постепенного нарастания диалектных различий, начиная с VII в., как подчеркивает автор, не подтверждается словенским материалом. Исследования Я. Риглера показали, что редукция безударного *o*, имевшая место в словенском после перетягивания ударения с конечного краткого слога, является относительно поздней словенской инновацией.

К особенностям вокальной системы праславянского языка рассматриваемой эпохи Гринберг относит отсутствие гласного *o* среднего подъема, что доказывается фактами идентификации гласных заднего ряда среднего подъема в заимствованиях с гласными высокого подъема в словенском: ср. роман. *q* < (лат. *ō*) > словен. *i*; субстратное *bren-* > словен. *brinje* 'juniper'.

Касаясь преобразования дифтонгов **ei* – **ai*, **eu* > *i* – *ū*, автор допускает существование промежуточной ступени. В частности, для дифтонга **eu* возможно изменение через ступень **iq*, ср. словен. *pljūca* < **pljotia* < и.-е. **pleu-*. Промежуточной могла быть ступень перехода дифтонгов в напряженные монофтонги, ср. гидр. *Mura*, передаваемый в латинских средневековых документах как <*Mūra*> (890, 1043), <*Muora*> (1057) < субстратное **marus*, заимствованное в бавар.-герм. *Muora*, *Muoriza*. Тот факт, что изменение дифтонгов осуществлялось через монофтонгизацию, а не через метатезу дифтонгических элементов, позволяет автору предполагать, что третья (прогрессивная) палатализация не проходила после **i* дифтонгического происхождения (ср. и.-е. **leik-* > **lēxu* > *lix* 'surplus' и **uixu-* > **vis'i* > *vbsb*).

В консонантной системе эпохи миграций, по мысли автора, различие *tenues p, t, k, s, š, x, č* и *mediae b, d, g, z, ž* еще базировалось на различительном признаке напряженность (*tense*) / ненапряженность (*lax*). Появление звонкости как различительного признака датируется эпохой до падения слабых редуцированных для юго-восточной Словении и после падения редуцированных для северо-западной Словении. По мысли Гринберга, признак напряженность/ненапряженность реализуется в лексикализованных примерах, отражающих прогрессивную ассимиляцию не только в протословенском, но и спорадически в других частях славянского мира: ср. др.-русс. *сторовъ*, словен. диал. *strāwa* 'здоровый' (< **sǫdorvaia*).

К характерным особенностям праславянского языка периода миграций автор относит развитие протетических гласных *i* и *u* по правилам сандхи. Отсутствие или наличие протезы находится в прямой зависимости от того, какая из двух конкурирующих форм обобщается (ср. словен. *jájce* 'яйцо' с начальным *j-* и *āpno* 'известь' без протезы *v-*).

Известное всем славянским языкам изменение сочетания *s* + взрывной > *s* или *š* + взрывной датируется автором VII–VIII вв. Сочетание с рефлексом *š* признается наиболее характерным для западнославянских языков и западной части южнославянского ареала. Автор связывает с этим изменением форму типично словенского суф. *-šk-* (< **-ьskъ*), ср. *nebéški* < *nebesьskъjъ*.

Датировки основных процессов приближены к исторической эпохе. Так, к VI–VII вв. относится палатализация велярных, так называемые 2-я и 3-я палатализации. Вслед за

другими исследователями Гринберг допускает преобразование *tj, dj* через промежуточную ступень *t', d'*. Основываясь на исторических свидетельствах, он полагает, что определенно можно говорить о метатезе плавных применительно к IX в. Учитывая сохранение группы *tl, dl* в северо-западных словенских диалектах, он относит упрощение группы **tl, *dl > *l* к периоду, предшествующему разрыву связей западных и южных славян, и с этой эпохой связывает также развитие нового акута, образование слоговых плавных, изменение *g > γ* в северных и западных словенских диалектах. Особое внимание уделяется результатам развития праславянской акцентной системы. Автор определяет условия развития нового акута, датируя этот процесс IX в. Особо останавливается автор на характере двух домиграционных акцентных архаизмов: 1) *râg, rogâ // râg, rogâ*; 2) *stóri // storî*.

В третьей главе характеризуются словенские особенности, унаследованные из позднепраславянского языка или обязанные процессам общего южнославянского развития. К явлениям этой эпохи относятся стяжение гласных, сокращение старого акута, сокращение нисходящего ударения, ретракция незначительной нисходящей интонации (закон Станга-Ившича), ретракция ударения с конечных слабых еров, изменение **r' > rj* в интервокальной позиции, развитие палатализованного *n'*, совпадение **ъ, *ь > э* и **i, *y > i*, утрата слабых еров, вокализация сильных еров и компенсаторное удлинение, развитие ротацизма.

Предметом исследования четвертой главы стали словенские инновации. К ним отнесены передвижение нисходящей интонации на следующий слог с образованием долгого нисходящего слога независимо от унаследованного количества гласного, получившего ударение (ср. **mĕso > mesô*), ретракция новоциркумфлекса (диал. *rózroka* < ст.-словен. *porôka*), делябиализация *q*, развитие *u > ü*, утрата назализации, ретракция краткого конечного ударения на долгий предпоследний гласный.

Пятая глава посвящена явлениям, определившим развитие дальнейшей диалектной дифференциации словенской языковой территории, начиная с XV в. К таким явлениям относится удлинение краткоударенных неконечных слогов (ср. **brâta > brâta > *brâta*). Изоглосса, ставшая результатом этого процесса, разделила словенскую территорию с северо-запада на юго-восток. Появление ее относится к более позднему времени, чем удлинение унаследованной из праславянского нисходящей интонации и развитие нового циркумфлекса. Согласно Я. Риглеру удлине-

ние краткого неконечного ударного гласного является первой важной изоглоссой, изменившей направление более ранних словенских изоглосс, восходящих ко времени освоения южнославянской территории. К собственно словенским инновациям отнесены: развитие глоттализованного *k* в каринтийских диалектах; образование новых дифтонов *ie, io* на месте долгих гласных *e* и *o* и *ai, u < *ĕ, *o* (ср. *nûdsĕt < *nôsi-, pĕcĕ* при литер. *pĕc*); диспалатализация *l, n'*; перетяжка краткого конечного ударения на краткий претонический гласный (ср. *jĕlen ~ jĕlĕna*); вторичная палатализация согласных (ср. диал. *šiša* при литер. *hiša*); развитие новой протезы (ср. *vûtro, d'ûg*); упрощение групп *čr, žr > č, ž*; развитие в некоторых диалектах (долина Бачи) так называемого слеканья, т. е. *s, š > š, ž > ž, c, č > č* и т. д. Системный анализ фактов подводит автора к выявлению механизма лениции, которая началась еще в праславянскую эпоху: изменение **b, *d > β, d* характерно для северо-западных и части равтарских диалектов, обратное явление (бетацизм) – ослабление лениции там, где не произошла фонологизация щелевых, что подтверждается спорадическим слиянием в топонимах *v* и *b > b*.

В конце работы читатель найдет три приложения: 1) обзоры диалектных различий, проявляющихся в системе словенских вокалических систем, 2) таблицы, демонстрирующие все виды передвижения ударения с конечных слогов, 3) две карты с указанием населенных пунктов, упоминаемых в работе в связи с анализом тех или иных диалектных явлений и 4) словуказатель.

Автор сводит воедино знания о словенских диалектах и вместе с тем обобщает и углубляет результаты исследований системным подходом, выявлением механизма фонологических преобразований на всем протяжении развития словенских диалектов во времени и пространстве. Книга М.Л. Гринберга принадлежит к числу фундаментальных исследований, которые выводят изучение исторической фонологии словенского языка на качественно новый уровень. Отдельные диалектные явления и частные диалектные системы осмысливаются в глубокой исторической ретроспективе как результат многократной перестройки исходной системы в процессе формирования словенского языка. Восстанавливаемые автором механизмы исторических преобразований позволяют во всей полноте проследить истоки, основные этапы формирования и развития словенского языка. Сложная организация диалектных вокалических систем получает развернутую характеристику во времени.

на каждом этапе выявлены механизмы преобразований. Исследование М.Л. Гринберга существенно обогащает наши представления о лингвогенезе одного из самых диалектно расчлененных южнославянских языков. Работа выходит за рамки собственно словенской проблематики. Механизм многих преобразований был заложен еще в системе праславянского

языка, в работе прослеживается многоступенчатая, градуированная реализация тенденций, восходящих к праславянской эпохе. Своими идеями книга способствует более детальной, более углубленной разработке проблем праславянской фонологии.

Л.В. Куркина

Ю. Л. Мосенкіс. Мова трипільської культури. Джерела. Методи. Результати реконструкції. Київ: НДІГІАМ, 2001. 163 с.

Современная диахронная лингвистика в значительной степени основывается на солидном количестве работ, посвященных изучению реликтовых (мертвых) языков. За последние сто лет в этой области сделано многое, однако существует еще множество вопросов, которые требуют отдельного внимания. Поэтому любая попытка освещения проблем структуры, ареала древних языков заслуживает внимания и оценки независимо от результатов исследования.

Автор рецензируемой книги поставил цель реконструировать "язык" носителей трипольской культуры, изучить ее связи с культурами и языками народов Кавказа и Европы, выделить "трипольский субстрат" в украинском языке. Монография состоит из трех разделов, введения, основных выводов, списков использованной литературы (840 позиций), источников (40 позиций). В первых двух разделах автором реферировается литература по вопросам археологии и лингвистики, которая знакомит читателей с основными достижениями мировой науки в области дешифровки письменности исчезнувших языков, конспектируются некоторые положения теории субстрата, сформулированные в работах отечественных и зарубежных специалистов. Тут же освещается история вопроса толкования мифа, предлагается метод этимологической интерпретации искусства. Третий раздел посвящен реконструкции фрагментов языка трипольской культуры. Рассматриваемая работа является подробным библиографическим справочником по вопросам лингвистики, археологии, этнографии, семиотики, поскольку содержит описание важнейших достижений этих наук.

Оригинальная часть работы Ю.Л. Мосенкиса имеет главный серьезный недостаток: сформулированные в ней положения трипольского субстрата украинского языка ни в какой степени не подкреплены приводимым автором материалом. Остановимся на конкретных примерах.

Фактической базой, на которую опирается автор, обосновывая свою точку зрения, является украинская ономастика, которую он считает трипольской на основании того, что в других уголках Европы и даже Кавказа, где засвидетельствованы следы близких к трипольской археологических культур, функционируют онимы, которые, на первый взгляд, отдаленно напоминают украинские. Однако изучение этого типа лексики требует применения принципов относительной хронологии, метода внутренней и внешней реконструкции, чего нет в книге, иначе бы автор не сравнивал гидроним *Хорол* с *Q'orolis-cq'ali* 'хорольская вода' – речка в Абхазии (с. 64), игнорируя фонетически первоначальный вариант этого названия *Korol* [ЕСЛГНПР 1985: 71]. Гидроним *Хорол* демонстрирует обычную и достаточно древнюю для восточнославянского ареала субституцию анлаутного *к- > х-*, ср., например, еще укр. диал. *корошіати* 'хорошать, кастрировать' [Верхратський 1899: 228] и *хорошіати* 'кастрировать' (фиксируется на территории Компанеевского района Кировоградской области. – *Запись наша*), распространенное в нижнеподнепровских говорах. Базовое *Korol* – гидроним праславянского уровня, сформированный в рамках этимологического гнезда с основой **kor-l-* 'крутить, гнуть; резать' (праслав. **Korľ-* – 'речка с искривленной береговой полосой, извивистый водный объект'), всесторонне и исчерпывающе исследованного в работах Р.М. Козловой [Козлова 1986: 93; 1997: 277–286]. Это касается и гидронимов *Скаронинка* и *Скоропинка*, которые продолжают праслав. **skor-n-/skor-p-* (варианты с *s-mobile* и *n-* и *p-* детерминативами), то есть **skornina* и **skorpina* (через стадию деминутивов в укр. диал. *скоропина* 'крутой берег' [ОАИУЯ], **скоронина*), и которые Ю.Л. Мосенкис без каких-либо комментариев соотносит с гипотетичным занским **c'q'or-* 'вода' (с. 63). Подобное невозможно как с точки зрения фонетического